

Научная статья
УДК 070
DOI 10.47475/2070-0695-2024-53-3-50-59

«ТОКСИЧНЫЙ МЕДИАТЕКСТ» КАК НОВЫЙ ТЕРМИН: ОПЫТ КОНЦЕПТ-АНАЛИЗА

**Вера Владимировна Антропова¹, Елена Мухамедовна Хакимова²,
Светлана Ивановна Симакова³, Арина Ринатовна Медведева⁴, Ирина Владимировна Топчий⁵**

^{1,3,4,5} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ ava45@yandex.ru

² Южно-Уральский государственный университет (национально-исследовательский университет), Челябинск, Россия, khakimovaem@susu.ru

³ simakovi@mail.ru

⁴ arinamka@gmail.com

⁵ ivtopchiy@mail.ru

Аннотация. Медиатизация реальности в ее социальном и персональном измерениях, усиление и в то же время латентизация агрессивно-конфликтного начала в виртуальном публичном общении, расширение сферы деструктивных действий и их результатов в связи с увеличением количества подобных коммуникационных полей и их акторов приводят к появлению новых объектов социального мира и их номинаций. Одним из важных понятий современности становится «токсичный медиатекст», который, во-первых, концептуализирует сдвиг в массмедийной коммуникации в сторону давления на психику реципиента с помощью различных вербальных и невербальных средств, во-вторых, способствует утверждению новых форм общения в любых других коммуникационных системах. В работе осуществляется попытка констатировать новое понятие и, соответственно, новый термин, появление которого обусловлено вызовами времени.

Цель работы – дать содержательную характеристику новому термину «токсичный медиатекст» с опорой на метод концепт-анализа, дополнительным методом исследования стало свободное письмо. Обращение к лингвоконцепту как к релевантной методологической единице когнитивного порядка обусловлено тем, что он аккумулирует сведения из языковой, социальной, культурной, психоэмоциональной и других сфер. На основе анализа лексикографических источников можно утверждать, что конструкт «токсичный медиатекст» обладает интернациональным статусом, концепирует представления о тексте, передаваемом по любому медиаканалу, наносящем вред (ментальный и даже физический) собеседнику. В его основе лежит телесная и морбиальная метафоры, образно представляющие социальный эффект токсичного медиатекста на разных уровнях его бытования, разных уровнях его организации. Его объяснительный потенциал в равной степени состоит из рационального и эмоционального компонентов.

Сегодня номинация «токсичный медиатекст», именуемая соответствующий ментальный конструкт, может претендовать на статус термина, поскольку, во-первых, предлагаемая терминологическая единица связана с новым, отдельным явлением социокультурной реальности и, соответственно, с новым научным понятием, во-вторых, обладает такими терминологическими признаками, как заимствованность, специальность, особая метафоричность, цель которой в научном дискурсе – через знакомые и понятные образы наиболее точно передать дифференцирующие смыслы («отравляющий», «ядовитый») и таким способом отграничить данное понятие от смежных, обозначающих другие формы речевой агрессии.

Ключевые слова: токсичный медиатекст, токсичная коммуникация, термин, лингвоконцепт, концепт-анализ, свободное письмо

Для цитирования: Антропова В. В., Хакимова Е. М., Симакова С. И., Медведева А. Р., Топчий И. В. «Токсичный медиатекст» как новый термин: опыт концепт-анализа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2024. № 3 (53). С. 50–59. doi: 10.47475/2070-0695-2024-53-3-50-59

Original article

«TOXIC MEDIA TEXT» AS A NEW TERM: AN EXPERIENCE IN CONCEPT ANALYSIS

Vera V. Antropova¹, Elena M. Khakimova², Svetlana I. Simakova³, Arina R. Medvedeva⁴, Irina V. Topchii⁵

^{1,3,4,5} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ ava45@yandex.ru

² South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, khakimovaem@susu.ru

³ simakovi@mail.ru

⁴ arinamka@gmail.com

⁵ ivtopchii@mail.ru

Abstract. Mediatization of reality in its social and personal dimensions, strengthening and at the same time latency of the aggressive-conflict principle in virtual public communication, expansion of the sphere of destructive actions and their results in connection with the increase in the number of such communication fields and their actors lead to the emergence of new objects of the social world and their nominations. One of the important concepts of our time is becoming “toxic media text”, which, firstly, conceptualizes a shift in mass media communication towards pressure on the psyche of the recipient with the help of various verbal and non-verbal means, and secondly, contributes to the establishment of new forms of communication in any other communication systems. The work attempts to state a new concept and, accordingly, a new term, the emergence of which is due to the challenges of the time. The purpose of the work is to give a meaningful description of the new term “toxic media text” based on the method of concept analysis; free writing became an additional research method. The appeal to the linguoconcept as a relevant methodological unit of cognitive order is due to the fact that it accumulates information from the linguistic, social, cultural, psycho-emotional and other spheres. Based on the analysis of lexicographic sources, it can be argued that the construct “toxic media text” has an international status, conceptualizes ideas about the text transmitted through any media channel that causes harm (mental and even physical) to the interlocutor. It is based on bodily and morbid metaphors, figuratively representing the social effect of a toxic media text at different levels of its existence, different levels of its organization. Its explanatory potential equally consists of rational and emotional components. Today, the nomination “toxic media text”, which names the corresponding mental construct, can claim the status of a term, since, firstly, the proposed terminological unit is associated with a new, separate phenomenon of socio-cultural reality and, accordingly, with a new scientific concept, and secondly, it has such terminological features as borrowing, specialty, special metaphoricality, the purpose of which in scientific discourse is to convey differentiating meanings (“poisonous”, “toxic”) most accurately through familiar and understandable images and thus distinguish this concept from related ones, denoting other forms of verbal aggression.

Key words: toxic media text, toxic communication, term, linguoconcept, concept analysis, free writing

For citation: Antropova V. V., Khakimova E. M., Simakova S. I., Medvedeva A. R., Topchii I. V. (2024). «Toxic media text» as a new term: an experience in concept analysis. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 3(53): 50–59. (In Russ). doi: 10.47475/2070-0695-2024-53-3-50-59

Введение

Определение «токсичный» актуализировалось в сфере коммуникаций относительно недавно, точкой отсчета интереса можно назвать 2018 год, когда Оксфордский словарь назвал «токсичность» словом года. Распространенность номинации как на уровне бытового общения, так и в сфере публицистики спровоцировала дискуссию в научном дискурсе по поводу специфики токсичности в сравнении с иными обозначениями агрессивной коммуникации. Тем не менее на данный момент четкого определения токсичность не имеет, что как раз связано с семантической близостью токсичности и агрессии.

В связи с этим нередко отмечается обобщающий характер термина «токсичность», который используют для «обозначения негативных социальных практик, межличностной и профессиональной коммуникации, характеристики их как опасных для социума и его членов, синонимично понятиям «зловредный; разрушительный по последствиям» и т. п.» (Душкина 2019: 29), для обозначения разновидности неэкологичного речевого поведения (Ионова 2018). Такая обобщенность в том числе приводит к определению токсичности как квазинаучного термина: об этом пишут В. А. Буряковская и О. А. Дмитриева, отмечая, что таким образом «разнообразные явления социальной активности и психической жизни человека сводятся к одной единственной метафоре – «токсичность»» (Буряковская, Дмитриева 2022: 137).

В то же время есть ряд исследований, где рассматриваются отдельные черты токсичности. Специфической чертой токсичности называют ее имплицитность (Ермолович, Иванов 2023), скрытое воздействие (Нуртазина, Кусаинова 2022). Также выделяется ограничение свободы воли коммуникантов и нарушение личных границ людей (Нуртазина, Кусаинова 2022: 66). О. В. Ермолович и А. Э. Иванов выделяют в качестве отличительной черты токсичной коммуникации ее долгосрочный характер, что подразумевает «не менее двух актов деструктивного взаимодействия людей» (Ермолович, Иванов 2023: 48). Авторы полагают, что для возникновения токсичного общения должны соблюдаться два условия: продолжительные отношения между коммуникантами и иерархичность отношений (Ермолович, Иванов 2023: 48).

В исследовательской литературе также рассматривается токсичный контент и предпринимаются попытки определить конкретные форматы его функционирования в Сети. И. Ю. Сундиев и А. А. Смирнов дают следующее определение токсичному контенту: «различные виды негативной информации,

оказывающей деструктивное психологическое воздействие на личность, социальные группы и общество в целом» (Сундиев, Смирнов 2020: 37). В качестве одного из наиболее опасных видов токсичного контента авторы приводят экстремистский контент (Сундиев, Смирнов 2020: 40).

Н. В. Девдариани рассматривает в контексте субмедиа токсичные темы; при этом собственно токсичность определяется не столько содержанием, сколько социальным контекстом, эффектом от обсуждения такой темы в принципе: «Любая тема, которая сегодня (в моменте) и в течение любого времени после («токсичные» темы, как правило, не имеют срока давности) может нанести существенный, непоправимый и непредсказуемый урон любому журналисту или СМИ, который с такой темой плотно работал или просто соприкоснулся, именуется «токсичной» по образу и подобию материала, подвергнувшегося радиоактивному заражению и представляющего непреходящую угрозу и опасность любому взаимодействующему с ним человеку» (Девдариани 2019: 39).

Также отмечается, что токсичный контент «или построен на искажениях фактов (например, в фейках), или эксплуатирует деструктивный этос и пафос для обесценивания определенных устойчивых идей и нравственных установок в обществе, для пропаганды сомнительных ценностей» (Глуценко 2021: 71). В качестве примера такого контента нередко приводятся фейки, а в качестве примеров токсичного способа передачи коммуникации называют спам, флуд, троллинг с флеймовым спором (Глуценко 2021: 73).

Исследователи О. А. Глуценко, Н. В. Гришанин и Н. В. Кириллина в рамках ассоциативного эксперимента среди студентов направления подготовки «Реклама и связи с общественностью» выявили, что не все слова-стимулы «спам», «флуд» и «троллинг» воспринимаются строго негативно (Глуценко, Гришанин, Кириллина 2021: 171). Например, «спам» действительно чаще оценивался негативно, однако почти треть информантов обозначали спам нейтрально, при этом нередко сближая понятия флуда и спама: «В ассоциативном ряду флуд и спам концептуализируются как одно явление, неслучайно более чем в 50 % ответов флуд приравнивается спаму» (Глуценко, Гришанин, Кириллина 2021: 171). Зато троллинг в большинстве случаев оценивался респондентами как средство создания комического, лишь в 7 % случаев респонденты оценивали троллинг с позиций его функциональных характеристик – как, например, провокацию (Глуценко, Гришанин, Кириллина 2021: 171). Распространенность токсичности (и в некоторой степени нормализацию различных форматов грубого общения) в сетевой среде объясняют М. А. Гуляева и Д. А. Шинкаренко: «другой человек становится «бестелесным», и это приводит к уплощению переживаний, к отсутствию мультисенсорного взаимодействия как в реальной жизни, напоминающего, что люди состоят из плоти и крови, что они ранимы и чувствительны» (Гуляева, Шинкаренко 2023: 37).

Таким образом, в научном поле исследования токсичности сегодня представлены достаточно широко. Вместе с тем работ, в которых «токсичный медиатекст» констатируется в качестве отдельного научного понятия, нуждающегося в специальном изучении, и предлагается его развернутое определение в социально-коммуникативном контексте, нами не обнаружено. Сложность определения «токсичного» явления прежде всего обусловлена широким толкованием самой токсичности (что, скорее всего, является следствием метафоричности, концептуализации термина из изначальной медицинской сферы), сложно определить и конкретные форматы проявления токсичности в медиасреде (особенно из-за имплицитности «токсичного» воздействия), что и затрудняет выделение отдельной номинации «токсичный медиатекст».

Целью данного исследования является содержательная характеристика термина «токсичный медиатекст» с помощью метода концепт-анализа в социально-коммуникативном ракурсе.

Методология исследования

Для определения сложных, поливалентных и неоднозначных явлений социального мира, к которым, безусловно, сегодня относится токсичный медиатекст, понимания их лингвосоциальной сущности, оценивания производимых ими социальных эффектов необходимо обращаться к релевантным междисциплинарным научным единицам, позволяющим раскрыть во всей полноте и многоаспектности изучаемый объект. Такой научно-методологической единицей когнитивного порядка в работе становится концепт – многомерный культурно значимый конструкт (образование) в коллективном сознании, опредмеченный в языке в той или иной форме (Карасик 2002: 98). Концепт позволяет отразить не только логико-понятийное осмысление изучаемой сущности, но и представить ее в расширенном – культурно, социально обусловленном – когнитивно-ментальном контексте (С. Г. Воркачев (2002), В. И. Карасик (2002), В. В. Колесов (2006), Д. С. Лихачев (1993), Г. Г. Слышкин (2004), Ю. С. Степанов, З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007)). Концепт включает в себя три семантических компонента различного уровня отвлеченности: понятийный, «отражающий его признаковую и дефиниционную структуру, образный, фиксирующий когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании, значимостный, определяемый местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка, куда войдут также этимологические и ассоциативные характеристики» (Воркачев 2002: 82). Наличие ярко выраженного образного компонента в терминологическом сочетании «токсичный медиатекст» не противоречит общепризнанному тезису об отсутствии у терминов образности, экспрессивности, поскольку

современная терминология, стремительно развивающаяся в связи с технологическими и техническими изменениями, все чаще демонстрирует метафорический способ терминообразования. Метафорический перенос, будучи сегодня продуктивным способом образования терминологических единиц, обеспечивает высокую степень мотивированности термина, а образность и прозрачность мотивировки, «оживляющие» термин, способствуют его более точному пониманию и активному внедрению в речевую практику специалистов и неспециалистов (Митюкова 2018: 125–126).

Таким образом, определение токсичного медиатекста на основе метода концепт-анализа позволит увидеть его «как сгусток культуры в сознании человека» (Степанов Ю. Константы: словарь русской культуры. М. : Академический проект, 2001. С. 43), ментальную единицу, фиксирующую социальные, коммуникационные, ценностно-культурные тренды, иллюстрирующую определенные сдвиги в социокультурной парадигме современности (Antropova 2020).

В качестве вспомогательного, дополнительного метода привлекалось свободное письмо, которое позволило уточнить, разнообразить, подтвердить полученные в процессе концепт-анализа данные по образному и значимостному компонентам рассматриваемого концепта, поскольку актуальные для текущего момента спонтанные ответы информантов выражают в первую очередь неотрефлексированную оценку, эмоции, ассоциации. История появления этого метода описана в статье А. А. Поздняковой и Т. П. Чепковой (Позднякова, Чепкова 2018), практические рекомендации по организации процедуры представлены в многочисленных научно-популярных публикациях (см., например, Руководство по свободному письму: преимущества, этапы, подсказки и советы // HR-Portal. 19.05.2022. <https://hr-portal.ru/story/rukovodstvo-po-svobodnomu-pismu-preimushchestva-etapy-podskazki-i-sovety>). Свободное письмо представляет собой непрерывную графическую фиксацию всех ассоциаций, вызванных стимулирующим концептом, в течение определенного времени без автокритики, отбора и редактирования. Содержание реактивных высказываний – сплошной информационный поток от конструктивных идей, имеющих непосредственное отношение к заявленной проблеме, до невнятной бессмыслицы; форма – графические знаки (словесные и невербальные). Преимущества техники свободного письма в том, что она дает возможность осмыслить реалию вне привычных ментальных ограничений, за пределами соображений практичности, привычности или популярности. В ходе нашего исследования метод свободного письма применялся в аудиторных условиях на площадках Челябинского государственного университета и Южно-Уральского государственного университета. Использованное оборудование: экран с надписью-стимулом «ТОКСИЧНЫЙ МЕДИАТЕКСТ»; смартфоны студентов; листы бумаги и ручки (электронный или бумажный носитель информации выбирался информантами по их усмотрению). Выполнению задания предшествовал инструктаж участников, продолжительность самой процедуры составила 10 минут.

Результаты исследования и их обсуждение

Понятийный компонент любого концепта, являющийся результатом абстрактно-логического мышления, служит отправным пунктом в его интерпретации, поскольку задает векторы его параметризации, «схватывает» совокупность его существенных признаков. Результатом такой логической операции, как ограничение, стало выявление гипонимических признаков рассматриваемого понятия, которые были извлечены из лексикографических описаний базовых вербализаторов. Проанализировав дефиниции ключевых слов «медиатекст» и «токсичный», отмеченные в терминологических и общезыковых словарях (энциклопедическом словаре медицинских терминов, словаре медиалингвистических терминов и понятий, словаре терминов по медиаобразованию, толковых словарях, словаре синонимов), мы констатируем на основе родо-видовых отношений признаки общего характера (первый) и дифференциального, конкретизирующего характера (второй и третий):

1) текст / сообщение,

2) транслируемый по любому медиаканалу – радио, ТВ, интернет-СМИ (Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. М. : Флинта, 2018. С. 75), то есть изложенный в любом виде и жанре медиа (газетная статья, телепередача, видеоклип, фильм и пр.) (Федоров А. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. М. : МОО «Информация для всех», 2014. С. 29),

3) ядовитый, отравляющий, обладающий токсичностью (Крысин Л. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Изд-во Эксмо, 2006. С. 778; Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2002. С. 833; Александрова З. Словарь синонимов русского языка: практический справочник. М. : Русский язык, 2001. С. 564).

Словарь медицинских терминов трактует «токсичность» как свойство некоего вещества вызывать при попадании в определенных количествах в организм его заболевание (отравление) или гибель (Покровский В. Энциклопедический словарь медицинских терминов. М. : Медицина, 2005. 960 с.), и такое значение слова является первоначальным, прямым, в качестве синонимов к нему предлагается «ядовитость» (Александрова З. Словарь синонимов русского языка: практический справочник. М. : Русский язык, 2001. С. 564). Данное

свойство, проявляющееся на анатомо-физиологическом уровне, находится в центре целой биологической системы со своими донорами и реципиентами и запускает отдельный биопроцесс:

- 1) субъект процесса – живой организм (животное, растение, микроорганизм),
- 2) объект процесса – другой живой организм (человек, животное, растение),
- 3) предмет процесса передачи – токсины (вредные и отравляющие вещества бактериального, растительного или животного происхождения),
- 4) результаты процесса со стороны субъекта, описываемые через агрессивно-деструктивные маркеры (некротическое или летальное действие, вредоносное действие, вредное действие),
- 5) результаты процесса со стороны объекта, атрибутируемые через виктимно-негативные маркеры (патологическое состояние, отравление, опьянение, поражение жизненно важных органов, нарушение деятельности различных жизнеобеспечивающих систем: сердечно-сосудистой, пищеварительной, нервной, дыхательной, лимфатической, гибель как возможный финальный вариант),
- 6) каналы: дыхательные пути, желудочно-кишечный тракт, неповрежденные кожные покровы, кровеносные сосуды,
- 7) реакция в виде клинических проявлений: рвота, кожные реакции (дерматоз, эритемы, волдыри, папулы, зуд), неврит, нарушения дыхания (кашель, удушье),
- 8) меры противодействия: диагностика отравления, лечебная помощь, предупреждение.

Наличие градуального элемента «в определенных количествах» в структуре первого значения «токсичность» обуславливает возможность еще одной семантической интерпретации, которую также фиксируют лексикографические источники: «показатель, вычисляемый как величина, обратная средней смертельной дозе или средней смертельной концентрации токсичного вещества» (Покровский В. Энциклопедический словарь медицинских терминов. М. : Медицина, 2005. С. 453.).

Таким образом, понятийная составляющая концепта «токсичный медиатекст» аккумулирует родовой признак «текст / сообщение» и видовые признаки: 1) «изложенный в любом виде и жанре медиа», 2) «ядовитый, отравляющий, обладающий деструктивным воздействием, диапазон которого может проявляться от болезненного состояния до летального исхода». Примечательно, что на основе анализа первоначального прямого значения «токсичности», являющейся константной характеристикой рассматриваемого концепта, четко выстраивается биосистема со своими акторами, связями, отношениями, которая из конкретно-физического мира может быть перенесена в психоэмоциональную и социально-коммуникативную сферы.

Образный компонент концепта, в отличие от понятийного, напротив, отражает конкретно-предметный уровень мышления и представляет собой «след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами» (Карасик 2005: 27). Он связан с появившимся у слова «токсичный» переносным значением в контексте психосоциальных (*токсичные отношения, токсичный человек, токсичное поведение* и т. д.) и далее – коммуникативных характеристик. Так, в словаре психологических терминов и понятий читаем:

– «токсичные отношения – отношения, приносящие психологический дискомфорт, сердечную боль и истощающие психологические, а позже – физические ресурсы одного из партнеров или реже обоих партнеров» (Павлова О. Психология депривации. Словарь специальных терминов и понятий. Оренбург : Оренбургский государственный педагогический университет, 2021. С. 53),

– «токсичный человек – тип личности, склонный избегать ответственности за свои поступки и стремящийся перекладывать вину по любому поводу на окружающих» (Там же),

– «токсичное социальное поведение – скрытое манипулятивное поведение индивидуального или группового субъекта, направленное на достижение реального или иллюзорного доминирования над окружающими, игнорирование норм социальной жизни, самоутверждение за счет других людей и способное причинить вред их благополучию и здоровью» (Караяни А. Токсичное социальное поведение // Энциклопедический психологический словарь-справочник. 1000 понятий, определений, терминов. Минск : Харвест, 2021. С. 623).

Среди основных черт токсичного поведения называют:

- 1) эгоцентризм, который в том числе выражается в стремлении говорить о себе и своих проблемах, доказывать свою правоту, навязывать свое мнение окружающим,
- 2) восприятие других людей в негативном свете, фиксацию внимания на их недостатках и проблемах, драматизацию их поступков,
- 3) распространение ложных сведений, сплетен, подозрений, неконструктивную критику и отпусканье злобных шуток,
- 4) избегание собственной ответственности и перекладывание ее на других,
- 5) потерю самообладания по незначительным поводам в отношениях с другими людьми и эмоциональную нестабильность, нетерпимость и агрессию, формирование дискомфортной атмосферы (Там же).

Нетрудно заметить, что в основе реализованного переносного значения лежат морбиальная и телесная метафоры: психологический дискомфорт от токсичных отношений / человека / поведения сравнивается с болезненными ощущениями у жертвы, которые она испытывает на телесном уровне. При этом в результате метафорического переноса возникают новые признаки: «сознательное нанесение вреда здоровью и благополучию кого-либо», «манипулирование», «доминирование», «игнорирование», «насилие», «энергетический вампиризм».

Дальнейшая метафорическая экстраполяция «токсичности» и «токсичного» в область коммуникации (*токсичное общение, токсичный текст, токсичный медиатекст*) позволяет не просто обнаружить новые содержательные элементы, а представить процесс деструктивно-коммуникативного воздействия системно, темпорально выверенно, полно.

Воспроизведем описанную выше анатомо-физиологическую модель в социально-коммуникативном ракурсе с соответствующими поправками:

- 1) субъект процесса → автор,
- 2) объект процесса → адресат,
- 3) предмет процесса передачи → лингвотоксины, т. е. вербальные и невербальные знаки, наносящие вред сознанию носителя языка вплоть до трансформации его картины мира (Сковородников, Копнина 2017: 29),
- 4) результат действия лингвотоксинов, передаваемых субъектом → токсическое действие, вредоносное действие, вредное действие,
- 5) результат действия лингвотоксинов, принимаемых объектом → ментальная интоксикация (отравление), подавленность, депрессия и последующее физическое патологическое состояние, возможный летальный исход,
- 6) каналы → любые виды медиа, передающие информацию,
- 7) реакция → любые проявления эмоциональной и мыслительной деятельности,
- 8) меры противодействия → диагностика и устранение негативных последствий, предупреждение.

Приведенная схема токсичной коммуникации, повторяющая, с одной стороны, вышеописанную анатомо-физиологическую модель на ином уровне, на ином материале и восходящая, с другой стороны, к концепциям коммуникации Д. Остина, Г. Лассуэлла, Р. Якобсона, легла в основу анализа дискурсивной модели токсичного медиатекста, результаты которого будут нами изложены в дальнейших исследованиях.

Данные свободного письма, а именно ассоциации к концепту «токсичный медиатекст», показывают, что диапазон метафор в коммуникационном дискурсе значительно расширяется, так как к уже выявленным на основе психологических словарей морбиальной и телесной метафорам добавляются другие:

- вещественная метафора, с помощью которой не только конструируется образ, но и дается ярко выраженная отрицательная оценка явлению (*грязь; мусор; илак; помои*),
- мортальная метафора (*череп с перекрещенными костями; убить; довести до суицида; истребить*),
- гастрономическая (*непсихольный; шлепок майонезный; алкоголь; свинина; плохая еда*),
- театральная метафора, передающая идею искусственности, неискренности, демонстративности (*куклы на нитках; игра в демократию; Пугачева помолодела на 20 лет; дискотека; танцуют все*),
- пространственная метафора (*нарушение личных границ; стена гнева и ненависти; зона поражения злыми словами*),
- механическая метафора (*давление; давящий эмоционально текст; подавляющий текст*),
- зооморфная метафора (*пес*),
- милитаристская метафора (*война*).

При этом телесная метафора конкретизируется:

- метафорой дыхания (*душный; душит; душнила; душнота; пойти погулять на свежий воздух*),
- визуальной метафорой, служащей образным средством свето- и цветообозначения (*мрак; никто не видит света; черные эмоции; светло-зеленый кислотный цвет; кислотно-зеленый; черные клубы вулканического пепла и дыма; яркие цвета; зеленый*),
- метафорой вкуса (*долгое и неприятное послевкусие; кислое лицо*),
- метафорой запаха (*дурнопахнущий*),
- звуковой метафорой (*громкий скандал*).

Таким образом, обнаруженные в структуре образной составляющей на основе данных словарей психологических терминов метафоры болезни и телесности характеризуют токсичные психосоциальные явления как нечто, что наносит вред ментальному здоровью человека по аналогии с физическим, создает вокруг себя нездоровую атмосферу (см., например: Хакимова 2023). Данные свободного письма детализируют и конкретизируют метафорическое осмысление производимого коммуникативного эффекта от токсичного медиатекста, которое осуществляется через вещественную, мортальную, гастрономическую, театральную, пространственную, механическую и др. метафоры.

Значимостный (ценностный) компонент концепта, реконструируемый на основе этимологических, словообразовательных, ассоциативных характеристик, отражает место, которое занимает имя (то есть название) концепта в лексико-грамматической системе определенного языка, в конечном счете – его национально-культурное своеобразие.

Все слова, называющие концепт, имеют не русское происхождение:

1) «токсичный» заимствовано из греческого – *toxikon*, т. е. яд (Крысин Л. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Изд-во Эксмо, 2006. С. 778; Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Т. В. Егорова. М. : Аделант, 2014. С. 670), причем до недавнего времени данная лексема использовалась исключительно в качестве медицинского и биологического термина, т. е. обладала узкой сочетаемостью, сопровождалась в словарях пометами *биол., мед.* (Крысин Л. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Изд-во Эксмо, 2006. С. 778; Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2002. С. 833),

2) «медиа» восходит к английскому *mass media* – средства массовой информации (Крысин Л. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Изд-во Эксмо, 2006. С. 471, Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Т. В. Егорова. М. : Аделант, 2014. С. 407) и латинскому *medium* – посредник,

3) «текст» через посредство немецкого *Text* заимствовано из латинского – *textum*, т. е. ткань, связь, соединение (Крысин Л. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Изд-во Эксмо, 2006. С. 765; Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Т. В. Егорова. М. : Аделант, 2014. С. 654).

Все три корня демонстрируют высокую степень словообразовательной активности как с заимствованными, так и с русскими производящими морфемами, поскольку образуют большое количество слов в рамках своих словообразовательных гнезд, что говорит об их включении в русскую языковую систему и успешном, продуктивном ассимилировании в русскоязычном научно-терминологическом дискурсе, который, как известно, имеет при этом интернациональный характер. Соответственно, четко просматриваются три группы однокоренных слов из медицинской, массмедийной и филологической профессиональных сфер, причем большая их часть представлена терминами и лишена эмоциональности:

1) *токсокароз, токсемия, токсигенность, токсидермия, токсикоз, токсикоинфекция, токсиколог, токсикология, токсикомания, токсикометрия, токсико-терапевтический, токсикофобия, токсин, токсинемия, токсинный, токсичный, токсичность, токсинотерапия, токсодоза, токсонема, токсоплазмин, токсоплазмоз, токсоплазмы, токсотоксин* (Покровский В. Энциклопедический словарь медицинских терминов. М. : Медицина, 2005. 960 с.);

2) *медиаграмотность, медиакратия, медиаморфоз, медианаркоман, медиаобразование, медиаплюрализм, медиаразнообразие, медиарынок, медиасобытия, медиатизация, медиатизированный, медиаэффект, медиумный, медиация* (Землянова Л. Коммуникативистика и средства информации: англо-русский толковый словарь концептов и терминов. М. : Изд-во МГУ, 2004. С. 389), *медиакритика, медиалогия, медиаметрия, медиапланирование, медиахолдинг* (Лозовский Б. Журналистика и средства массовой информации: краткий словарь. Екатеринбург : Изд-во Уральского государственного университета. 2007. С. 133–137), *медиаактивы, медиабинг, медиабинговый, мадиабайер, медиабиблиотека, медиабизнес, медиаброкер, медиаброкерский, медиавойна, медиагалерея, медиагруппа, медиадизайн, медиадизайнер* (Академический орфографический словарь);

3) *текст, текстовик, текстовка, текстовый, текстолог, текстологический, текстология, текстуальный, текстура, текстурованный* (Тихонов А. Морфемно-орфографический словарь. М. : АСТ; Астрель, 2002. 704 с).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что языковая категоризация, осуществляемая с помощью данных слов, в первую очередь связана с выделением константных категорий, а именно: неких предметов / сущностей и признаков этих предметов / сущностей (много существительных, прилагательных и гораздо меньше глагольных форм), причем актуализируется широчайший диапазон значений с разным уровнем абстрактности: «отвлеченность, неодушевленность», «конкретность, одушевленность», «что-либо патологическое, отклоняющееся от нормы, подлежащее исправлению».

В материалах свободного письма обнаружен подобный набор слов, однако новым оказалось слово *токсик* в значении «токсичный человек», образованное с помощью усечения от *токсичный*, и совершенно не случайно именно наименование лица по данному признаку подвергается усечению. Прагматика такого способа деривации очевидна: помимо того, что использование усеченных слов (*чел, препод, фан, шиз, пенс, скин, хип, нарк, азер* и др.) обеспечивает «живую спонтанную демократическую коммуникацию» (Минеева 2019: 225), оно позволяет в заданном стилистическом регистре дать эмоциональную оценку коммуниканту.

Заключение

Выделение концепта «токсичный медиатекст» вызвано появлением нового одноименного объекта социального мира в связи с актуальными социально-коммуникационными тенденциями: медиатизацией реальности в ее социальном и персональном измерениях; усилением и в то же время латентизацией

агрессивно-конфликтного начала в виртуальном публичном общении; расширением сферы деструктивных, наносящих вред отношений, действий и их результатов в связи с увеличением количества подобных коммуникационных полей и их акторов.

Рассматриваемый конструкт обладает интернациональным статусом, он концепирует представления о тексте, передаваемом по любому медиаканалу, наносящем вред (ментальный и возможно физический) собеседнику. Воспроизведенная нами на основе анализа специальной медицинской литературы первичная схема токсического воздействия полностью переносится на социально-коммуникативный уровень: 1) субъект процесса → автор, 2) объект процесса → адресат, 3) предмет процесса передачи → лингвотоксины, 4) результат действия лингвотоксинов, передаваемых субъектом → токсическое действие, вредоносное действие, вредное действие, 5) результат действия лингвотоксинов, принимаемых объектом → ментальная интоксикация (отравление), подавленность, депрессия и последующее физическое патологическое состояние, возможный летальный исход, 6) каналы → любые виды медиа, передающие информацию, 7) реакция → любые проявления эмоциональной и мыслительной деятельности, 8) меры противодействия → диагностика и устранение негативных последствий, предупреждение. Основу образного компонента концепта составляют телесная и морбиальная метафоры, иносказательно представляющие социальный эффект токсичного медиатекста на разных уровнях его бытования, его организации. Его объяснительный потенциал в равной степени представлен рациональным и эмоциональным началами.

Сегодня номинация «токсичный медиатекст», именуемая соответствующий ментальный конструкт, может претендовать на статус термина, поскольку, во-первых, предлагаемая терминологическая единица связана с новым, отдельным, самобытным явлением социокультурной реальности и, соответственно, с новым научным понятием, во-вторых, обладает следующими терминологическими признаками: заимствованностью (образующие термин слова имеют греко-латинское происхождение), специальностью (мы имеем дело с термином из сферы медиакommunikаций), особой метафоричностью, цель которой в научном дискурсе – через знакомые и понятные образы наиболее точно передать дифференцирующие смыслы («отравляющий», «ядовитый») и таким способом отграничить данное понятие от смежных, обозначающих другие формы речевой агрессии.

Список источников

Буряковская В. А., Дмитриева О. А. Квазинаучный термин «токсичный» в современной блогосфере (на материале русского, английского и французского языков) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 5 (168). С. 132–139.

Воркачев С. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2002. № 3. С. 79–95.

Глушенко О. А. Проявление факторов токсичности в медийной коммуникации // Коммуникации в условиях цифровой трансформации. 2021. С. 69–74.

Глушенко О. А., Гришанин Н. В., Кириллина Н. В. Экология коммуникации: факторы токсичности в медийных текстах // Коммуникология. 2021. Т. 9, № 4. С. 160–178.

Гуляева М. А., Шинкаренко Д. А. Ключевые переменные токсичной коммуникации // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2023. № 4 (87). С. 33–37.

Девдариани Н. В. Признаки и роль субмедийных структур в XXI веке // Региональный вестник. 2019. № 15. С. 37–39.

Душкина М. Р. Междисциплинарные исследования информационно-психологического воздействия массовых коммуникаций в социокультурном пространстве // Философия и культура информационного общества. 2019. С. 28–31.

Ермолович О. В., Иванов А. Э. Токсичность как лингвопрагматический феномен: основные характеристики и сценарии коммуникативного поведения // На перекрестке культур: единство языка, литературы и образования – III : сб. науч. ст. по материалам III Междунар. науч.-практ. интернет-конф., 12–16 дек. 2022 г., Могилев / под ред. А. К. Шевцовой. Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2023. С. 46–49.

Ионова С. В. Токсичный руководитель: лингвоэкология речевого поведения // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 4. С. 1–12.

Карасик В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Карасик В. Этноспецифические концепты // Иная ментальность. М. : Гнозис, 2005. С. 8–101.

Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.

Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия АН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.

Минеева З. «Препоид и чел: новые усечения» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 221–229.

Митюкова Е. А. Термины-метафоры информационных технологий в английском языке // Языковая

личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : сб. ст. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф. Минск : Изд. центр БГУ, 2018. С. 124–131.

Нуртазина М. Б., Кусаинова Т. С. Типы неэтикетного медиа-речевого поведения коммуникантов в сетевом общении // Текст в системе обучения русскому языку и литературе : материалы X Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 21–22 июня 2022 года / Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева; Уральский государственный горный университет. Екатеринбург : Уральский государственный горный университет, 2022. С. 62–68.

Позднякова А., Чепкова Т. Теория «свободного письма» и ее влияние на современную орфографию // Преподаватель XXI век. 2018. № 2-2. С. 367–375.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М. : Восток–Запад, 2007. 314 с.

Сковородников А., Копнина Г. Лингвотоксичные явления в речи и языке // Мир русского слова. 2017. № 3. С. 28–32.

Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метапонятия : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 39 с.

Сундиев И. Ю., Смирнов А. А. «Токсичный» контент в сети Интернет и его влияние на радикализацию молодежи // Научный портал МВД России. 2020. № 4 (52). С. 35–44.

Хакимова Е. М. Медиабулимия как форма токсичного поведения в цифровой среде // Динамика медиасистем. 2023. Т. 3, № 1. С. 339–344.

Antropova V. Spiritual and value identification in the discourse of Russian printed media: between nationalism and cosmopolitanism // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2020. № XI/1. P. 279–288.

References

Buryakovskaya, V. A. & Dmitrieva, O. A. (2022). Kvazinauchnyy termin «toksichnyy» v sovremennoy blogosfere (na materiale russkogo, angliyskogo i frantsuzskogo yazykov) [Quasi-scientific term “toxic” in the modern blogosphere (based on the material of Russian, English, and French languages)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 5 (168), 132–139. (In Russ.)

Vorkachev, S. (2002). Metodologicheskiye osnovaniya lingvokontseptologii [Methodological foundations of linguoconceptology]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*, 3, 79–95. (In Russ.)

Glushchenko, O. A. (2021). Proyavlenie faktorov toksichnosti v mediinoy kommunikatsii [Manifestation of toxicity factors in media communication]. *Kommunikatsii v usloviyakh tsifrovoy transformatsii*, 69–74. (In Russ.)

Glushchenko, O. A., Grishanin, N. V. & Kirillina, N. V. (2021). Ekologiya kommunikatsii: faktory toksichnosti v mediinykh tekstakh [Ecology of communication: factors of toxicity in media texts]. *Kommunikologiya*, 9 (4), 160–178. (In Russ.)

Gulyayeva, M. A. & Shinkarenko, D. A. (2023). Klyuchevyye peremennyye toksichnoy kommunikatsii [Key variables of toxic communication]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal VGPU “Grani poznaniya”*, 4 (87), 33–37. (In Russ.)

Devdariani, N. V. (2019). Priznaki i rol submediynykh struktur v XXI veke [Signs and role of submedia structures in the 21st century]. *Regional'nyy vestnik*, 15, 37–39. (In Russ.)

Dushkina, M. R. (2019). Mezhdistsiplinarnye issledovaniya informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya massovykh kommunikatsiy v sotsokul'turnom prostranstve [Interdisciplinary research on the information-psychological impact of mass communications in the sociocultural space]. *Filosofiya i kul'tura informatsionnogo obshchestva*, 28–31. (In Russ.)

Yermolovich, O. V. & Ivanov, A. E. (2023). Toksichnost' kak lingvopragmaticheskiy fenomen: osnovnyye kharakteristiki i stsenarii kommunikativnogo povedeniya [Toxicity as a linguistic pragmatic phenomenon: main characteristics and scenarios of communicative behavior]. *Na perekrestke kul'tur: yedinstvo yazyka, literatury i obrazovaniya – III: sb. nauch. st. po materialam III Mezhdunar. nauch.-prakt. internet-konf., 12–16 dek. 2022 g., Mogilev / pod red. A.K. Shevtsovoy*, Mogilev: MGU imeni A.A. Kuleshova, 46–49. (In Russ.)

Ionova, S. V. (2018). Toksichnyy rukovoditel': lingvoekologiya rechevogo povedeniya [Toxic Leader: Linguoecology of Speech Behavior]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 4, 1–12. (In Russ.)

Karasik, V. (2002). *Yazykovy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena, 477 p. (In Russ.)

Karasik, V. (2005). Etnospecificcheskie kontsepty [Ethnospecific Concepts]. *Inaya mental'nost'* [Another Mentality]. Moscow: Gnosis, 8–101. (In Russ.)

Kolesov, V. V. (2006). *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* [Russian Mentality in Language and Text]. SPb.: Peterburgskoye Vostokovedenie, 624 p. (In Russ.)

Likhachev, D. S. (1993). Kontseptosfera russkogo yazyka [Conceptosphere of the Russian Language]. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka*, 52 (1), 3–9. (In Russ.)

Mineyeva, Z. (2019). «Prepod i chel: novye usecheniya» [Teacher and Student: New Cuts]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 5, 221–229. (In Russ.)

Mityukova, E. A. (2018). Terminy-metafory informatsionnykh tekhnologiy v angliyskom yazyke [Terms-Metaphors of Information Technologies in English]. *Yazykovaya lichnost' i effektivnaya kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire* [Linguistic Personality and Effective Communication in the Modern Multicultural World]. Minsk: Izdatel'skiy tsentr BGU, 124–131. (In Russ.)

Nurtazina, M. B. & Kusaiknova, T. S. (2022). Tipy neetiketnogo media-rechevogo povedeniya kommunikanotov v setevom obshchenii [Types of Unpolite Media-Speech Behavior of Communicators in Online Communication]. *Tekst v sisteme obucheniya russkomu yazyku i literatye. Materialy X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Yekaterinburg, 21–22 iyunya 2022 goda / Evraziyskiy natsional'nyy universitet im. L. N. Gumilyova; Uralskiy gosudarstvennyy gornyy universitet. Yekaterinburg: Uralskiy gosudarstvennyy gornyy universitet*, 62–68. (In Russ.)

Pozdnyakova, A. & Chepkova, T. (2018). Teoriya «svobodnogo pisma» i yeye vliyanie na sovremennuyu orfografiyu [The Theory of “Free Writing” and Its Influence on Modern Spelling]. *Prepodavatel' XXI vek*, 2-2, 367–375. (In Russ.)

- Popova, Z. D. & Sternin, I. A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow: Vostok-Zapad, 314 p. (In Russ.)
- Skovorodnikov, A. & Kopnina, G. (2017). Lingvotoksichnye yavleniya v rechi i yazyke [Linguotoxic Phenomena in Speech and Language]. *Mir russkogo slova*, 3, 28–32. (In Russ.)
- Sushkin, G. G. (2004). *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty* [Linguocultural Concepts and Metaconcepts]. Volgograd, 39 p. (In Russ.)
- Sundiev, I. Yu. & Smimov, A. A. (2020). «Toksichnyy» kontent v seti Internet i ego vliyaniye na radikalizatsiyu molodezhi [“Toxic” Content on the Internet and Its Influence on the Radicalization of Youth]. *Nauchnyy portal MVD Rossii*, 4 (52), 35–44. (In Russ.)
- Khakimova, E. M. (2023). Mediabulimya kak forma toksichnogo povedeniya v tsifrovoy srede [Media Bulimia as a Form of Toxic Behavior in the Digital Environment]. *Dinamika mediasistem*, 3 (1), 339–344. (In Russ.)
- Antropova, V. (2020). Spiritual and value identification in the discourse of Russian printed media: between nationalism and cosmopolitanism. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, XI/1, 279–288.

Информация об авторах

- В. В. Антропова** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории медиа
- Е. М. Хакимова** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, рекламы и связи с общественностью
- С. И. Симакова** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры медиапроизводства
- А. Р. Медведева** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры теории медиа
- И. В. Топчий** – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиапроизводства

Information about the authors

- Vera V. Antropova** – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Media Theory
- Elena M. Khakimova** – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations
- Svetlana I. Simakova** – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Media Production
- Arina R. Medvedeva** – Candidate of Philology, Senior Researcher of the Department of Media Theory
- Irina V. Topchii** – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Media Production

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.06.2024; одобрена после рецензирования 06.10.2024; принята к публикации 10.10.2024.
The article was submitted 05.06.2024; approved after reviewing 06.10.2024; accepted for publication 10.10.2024.